

**Конвенция о ликвидации всех
форм дискриминации в
отношении женщин**

Distr.: General
15 August 2014
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

Сообщение № 30/2011

**Решение, принятое Комитетом на его пятьдесят восьмой сессии
30 июня — 18 июля 2014 года**

<i>Представлено:</i>	М.С. (представлена адвокатом Г. Гарри Л. Роке, мл.)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор
<i>Государство-участник:</i>	Филиппины
<i>Дата сообщения:</i>	10 февраля 2011 года (первоначальное пред- ставление)
<i>Справочная документация:</i>	препроведена государству-участнику 4 апреля 2011 года (в виде документа не издавалась)
<i>Дата принятия решения:</i>	16 июля 2014 года

Приложение

Решение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (пятьдесят восьмая сессия)

Сообщение № 30/2011*

<i>Представлено:</i>	М.С. (представлена адвокатом Г. Гарри Л. Роке, мл.)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор
<i>Государство-участник:</i>	Филиппины
<i>Дата сообщения:</i>	10 февраля 2011 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	препроведена государству-участнику 4 апреля 2011 года (в виде документа не издавалась)

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин,

на своем заседании 16 июля 2014 года,

принимает следующее:

Решение по вопросу о приемлемости

1. Автором данного сообщения является г-жа М.С., гражданка Филиппин 1951 года рождения, которая утверждает, что стала жертвой нарушения Филиппинами статьи 1, пунктов с) и f) статьи 2, пункта а) статьи 5 и подпункта f) пункта 1 статьи 11 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Конвенция и Факультативный протокол вступили в силу для государства-участника 4 сентября 1981 года и 12 февраля 2004 года соответственно. Автора представляет адвокат Г. Гарри Л. Роке, мл.

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Николь Амелин, Барбара Бейли, Олинда Барейро-Бобадиля, Никлас Брун, Наела Габр, Хилари Гбедемах, Йоко Хаяси, Далия Лейнарт, Виолета Нойбауэр, Теодора Нванкво, Прамила Паттен, Силвия Пиментел, Мария Хелена Пирес, Бьянкамария Померанци, Патриция Шульц, Дубравка Шимонович и Сяоцяо Цзоу. Текст личного (особого) мнения члена Комитета Патриции Шульц представлен в приложении к настоящему документу.

Факты в изложении автора

2.1 Автор работала в телекоммуникационной корпорации (далее – компания) с 16 августа 1998 года по 30 июня 2000 года в качестве директора Департамента рынка и связей. Курировали ее г-н С., вице-президент и глава Отделения бизнеса, и его непосредственный начальник, г-н Г., исполнительный вице-президент и главный операционный директор. В начале трудовой деятельности и в конце первого года автора хвалили за выполняемую работу и постоянно присуждали ей рейтинг эффективности выше 90 процентов.

2.2 В мае 1999 года на организованной компанией корпоративной вечеринке г-н Г. попросил автора сесть рядом с ним, чтобы он мог лучше видеть ее ноги (автор поясняет, что на ней была короткая юбка). 20 августа 1999 года автор принимала участие в общекорпоративной конференции по продажам в Маниле, на которой, задавая вопросы о ее работе, г-н Г. намеренно положил свою руку ей на бедро и неоднократно водил рукой по ее колготкам. После конференции г-н Г. стал проявлять к ней повышенное внимание и часто посещал ее офис, чтобы завязать разговор. В октябре 1999 года автор присутствовала на вечеринке в доме своей коллеги. Г-н Г. также там присутствовал и настаивал, чтобы она потанцевала с ним. Не желая устраивать сцену, она немного потанцевала с ним, а затем решила сесть на место, но г-н Г. преградил ей дорогу и уцепился за талию.

2.3 19 ноября 1999 года автор пошла на вечеринку к другой сотруднице компании. Она села на край дивана. Г-н Г. сел с ней рядом настолько близко, что прижал ее к подлокотнику дивана, а затем взял ее руку и начал поглаживать, притворяясь, что рассматривает ее кольцо. Чувствуя себя неудобно, она сняла кольцо с руки и дала его г-ну Г., надеясь, что поглаживание прекратится. В этот момент г-н Г. просунул руку под подушку, которую автор положила между ними, чтобы как-то отделиться от него, и несколько раз грубо потрогал ее влажными руками. Она не могла встать, так как была прижата к подлокотнику дивана. Когда она высвободилась и встала, чтобы уйти, г-н Г. потянул ее танцевать, тесно прижал ее к себе и начал водить рукой по спине, ощупывая ее тело. Автор намеревалась мягко освободиться, не устраивая сцены, однако г-н Г. прошептал ей: "Не отталкивай меня. Я мог бы облегчить твою жизнь в компании; могу позаботиться о твоём продвижении по службе и поощрениях". Автор снова попыталась освободиться от него, но г-н Г. взялся за ее грудь, начал гладить ее по спине, а затем просунул руку ей под блузку и продолжал гладить от бюстгалтера до ягодиц. После следующей попытки автора воспротивиться этому, г-н Г. сказал, что ее повышение по службе будет ускорено, если только она "будет благосклонна" к нему. Она с силой высвободилась из его объятий и покинула вечеринку; кольцо осталось у г-на Г. 11 февраля 2000 года автор присутствовала на корпоративном ужине, где г-н Г. сказал ей первой приступить к выбору еды за шведским столом и провел рукой по ее спине, чтобы потрогать ее бюстгалтер.

2.4 После инцидента, произошедшего 19 ноября 1999 года, автор пожаловалась своему непосредственному начальнику, г-ну С., на действия г-на Г., сказав о своем намерении подать против него официальную жалобу. Г-н С. посоветовал ей не делать это, сказав, что будет лучше, если она просто забудет об этом. Он также сказал, что может попробовать забрать ее кольцо у г-на Г. После этого разговора автор заметила резкую смену в отношении к ней и в поведении со стороны г-на С. Он начал кричать на нее, унижая ее во время регулярных деловых совещаний и отказываясь утверждать подготовленные ею проекты и программы.

2.5 В феврале 2000 года, попросив автора задержаться после собрания, г-н С. на повышенных тонах сказал ей: "Г-н Г. спросил меня, почему вы не смотрите на него, как если бы я запретил вам это делать". Она ему ответила: "Вы прекрасно знаете, что он делал со мной, и я не хотела, чтобы он думал, что я одобряю его действия". На заседании 28 марта 2000 года г-н С. разговаривал с автором в грубой и оскорбительной манере. Двумя днями позже он сказал автору: "Что же это получается: вы утверждаете, что так много знаете, однако в вашем департаменте никогда ничего не делается?" Автор заявляет, что этот оскорбительный разговор с г-ном С. вызвал у нее нервное расстройство и стресс, вследствие чего ей пришлось уйти на несколько дней в отпуск по болезни в апреле 2000 года.

2.6 Несмотря на враждебную атмосферу на работе, она продолжала трудиться с максимальной отдачей и поэтому была поражена, узнав, что г-н С. в апреле 2000 года оценил эффективность ее работы в 60 процентов, учитывая, что ее прежняя оценка превышала 90%. После того как она попросила г-на С. пояснить выставленную ей оценку, он начал постоянно давить на нее, с тем чтобы она повысила производительность своего департамента, что привело к перебранке между ними 27 июня 2000 года, когда автор подняла вопрос о недостаточном внимании со стороны г-на С. к ее департаменту и об игнорировании им всех ее рекомендаций и жалоб. Г-н С. крикнул автору, что, если она больше не может справляться со своей работой, ей будет лучше уйти. Она ответила, что уволится, и подала заявление 27 июня 2000 года (вступило в силу 30 июня 2000 года).

2.7 В январе 2001 года у автора состоялся разговор с г-жой Т., общей знакомой автора и г-на Г. Она предложила автору попробовать забрать свое заявление, чтобы г-н Г. предложил ей выходное пособие. Автор, все еще находясь в подавленном состоянии и шоке от того, что с ней произошло в компании, просила отозвать свое заявление об увольнении. Спустя некоторое время автору сообщили, что г-н Г. отказывается вновь взять ее на работу в связи с тем, что произошло. Автор почувствовала негодование в связи с тем, что г-н Г. по-прежнему отказывался признать то, что он ей сделал.

2.8 Автор подала иск о возбуждении уголовного преследования в отношении г-д С. и Г., а также преследования по трудовому законодательству в отношении компании и г-д С. и Г. Что касается хронологии уголовного дела, то автор выдвинула против г-д С. и Г. уголовные обвинения в сексуальном домогательстве и действиях развратного характера в Национальном бюро расследований 28 мая 2001 года. 11 сентября 2002 года Городская прокуратура отклонила ее жалобу за недостаточностью оснований. Помощник прокурора высказал сомнения в достоверности заявлений автора в связи с результатами проведенной в отношении нее психологической экспертизы, в связи с очевидной невозможностью того, чтобы инцидент 19 ноября 1999 года остался незамеченным другими присутствовавшими гостями, в связи с тем, что автор не оказала большего сопротивления и не протестовала активно против сексуальных домогательств, а также в связи с "вялым отношением" автора, если учесть, что она инициировала уголовное преследование против г-д С. и Г. только спустя 18 месяцев после имевших место событий. Автор подала ходатайство о пересмотре дела, и 30 апреля 2003 года Городская прокуратура пересмотрела свое предыдущее решение, заявив, что были выявлены основания для обвинений в отношении г-на Г. по событиям ноября 1999 года, и рекомендовав автору подать иск по действиям развратного характера только против г-на Г.

2.9 Ответчики (г-да С. и Г.) подали ходатайство о пересмотре, которое было отклонено резолюцией от 21 мая 2004 года ввиду отсутствия достаточных оснований или уважительной причины для изменения или отмены резолюции от 30 апреля 2003 года. Дата подачи петиции г-ном Г. о пересмотре не указана. Данное уголовное дело было прекращено решением Городского суда 31 марта 2005 года в связи с тем, что г-н Г. скончался 1 декабря 2004 года.

2.10 Что касается хронологии дела по трудовому законодательству, то 20 декабря 2001 года автор подала жалобу против компании и г-д С. и Г. в Трудовой арбитраж в связи с неправомерным увольнением. 24 апреля 2003 года Трудовой арбитраж отклонил ее дело, заявив, что автор уволилась по собственному желанию и что не было представлено достаточно свидетельств того, что ее вынудили уволиться из-за сексуальных домогательств и притеснений по службе.

2.11 Автор подала апелляцию в Национальную комиссию по трудовым отношениям, однако 18 августа 2003 года ее апелляция была отклонена. Затем она подала ходатайство о пересмотре, которое было отклонено 30 января 2004 года на том основании, что Комиссией не было допущено никаких ошибок в предыдущем решении.

2.12 Автор подала апелляцию против этого решения в Апелляционный суд. Суд отменил прежние решения по делу автора, выявив, среди прочего, что некоторые обстоятельства дела были "удобно проигнорированы" Трудовым арбитражем и Национальной комиссией по трудовым отношениям. Кроме того, Суд заявил, что подача автором заявления об уходе являлась одной из форм конструктивного увольнения и что заявления о сексуальных домогательствах были неразрывно связаны с этим конструктивным увольнением. Более того, Суд заявил, что результаты психологического обследования автора были использованы выборочно, в ущерб ей.

2.13 Г-да С. и Г. и компания подали ходатайство о пересмотре, которое было отклонено 10 ноября 2003 года. Впоследствии компания и г-да С. и Г. подали апелляцию в Верховный суд, который 26 июня 2006 года принял решение в их пользу, восстановив, таким образом, решение Национальной комиссии по трудовым отношениям от 18 августа 2003 года. 28 августа 2006 года Суд отклонил ходатайство о пересмотре, представленное автором 22 июля 2006 года. Автор заявляет, что все доступные на национальном уровне средства защиты ею исчерпаны. Она просит государство-участник компенсировать ей те страдания, которые были ей причинены в связи с нарушением ее прав.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что государство-участник не выполнило своих обязательств по Конвенции. Тогда как некоторые этапы уголовного дела и трудового спора автора на национальном уровне рассматривались до того, как Факультативный протокол вступил в силу для Филиппин, те судебные процедуры, которые имели место после вступления этого Протокола в силу, напрямую попадают в сферу рассмотрения Комитета. Кроме того, те судебные процедуры, которые имели место до вступления в силу Протокола, являются важной исходной информацией и контекстом для данного сообщения.

3.2 Автор заявляет о нарушении ее прав в соответствии со статьей 1, пунктами с) и f) статьи 2, пунктом а) статьи 5 и подпунктом f) пункта 1 статьи 11, которые должны читаться в совокупности с общей рекомендацией № 19 Комитета. Предполагаемые нарушения указаны в трех отдельных заявлениях.

3.3 Во-первых, по утверждению автора, Верховный суд в своем решении от 26 июня 2006 года значительно и недопустимо основывался на гендерных мифах и стереотипах, которые имеют крайне дискриминационный характер в отношении женщин. Автор заявляет, что государство-участник не предоставило ей правовую защиту наравне с мужчинами, а также не защитило ее от дискриминации через компетентные национальные суды в нарушение пункта с) статьи 2 Конвенции. В частности, в связи с решением Суда от 26 июня 2006 года автор ссылается на следующие выдержки:

"Что касается пяти случаев сексуального домогательства, приписываемых [Г-ну Г.], обсуждение лишь одного из них показывает, насколько он не соответствует разумному человеческому опыту. ... [Автор] утверждает, что она была прижата на диване [Г-ном Г.] так, что практически была вдавлена в подлокотник, что делало для нее невозможной попытку избежать его приставаний. Не оспаривается, что в это время шел дождь и что свыше 60 гостей были вынуждены находиться в гостиной и на веранде дома. Разве не мог хоть один из них заметить, что произошло? Она не представила ни одного свидетеля. С другой стороны, [Г-н П.] отрицает ее заявление...

[Автор] далее утверждает, что [Г-н Г.] незаметно просунул руку под подушку и несколько раз "грубо потрогал" ее влагалище. Свою неспособность убежать она оправдывает тем, что "была прижата к подлокотнику дивана". Но если бы [Г-н Г.] на самом деле совершил такое предосудительное действие, разве она не могла несильно ударить его или встать и уйти? ... Тем не менее, согласно ее заявлению, [автор] пошла танцевать с [Г-ном Г.], хоть и якобы по принуждению, и в ходе танца он тесно прижал ее к себе и водил рукой по ее спине, чтобы почувствовать ее тело. Любая женщина в здравом рассудке, чье влагалище перед этим несколько раз "грубо трогали" без ее согласия и против ее воли, освободившись от хватки оскорбившего ее человека, подняла бы скандал. Однако [автор] этого не сделала. ... Если [автор] действительно подвергалась сексуальному домогательству, ее увольнение по собственному желанию было бы для нее эффективным средством поднять этот вопрос. Однако, вместо того чтобы поднять этот вопрос в своем заявлении об увольнении... она даже выражает благодарность подателю петиции [Г-ну С.] за предоставленную возможность работать с [ним]. Это опять же противоречит человеческой природе и опыту. Поскольку, если бы податель петиции [Г-н С.] действительно ее сексуально домогался, она не стала бы выражать ему свою сердечную признательность в заявлении об увольнении. И это не единственное противоречие: по ее словам (из письменных показаний), у нее произошла перебранка с [Г-ном С.] 27 июня 2000 года, то есть в тот день, когда она подала заявление об увольнении, датированное 28 июня 2000 года (позднее датирование). Так откуда же такая сердечная благодарность?"

3.4 Эта выдержка, по словам автора, свидетельствует об использовании Верховным судом гендерных мифов, особенно в том, что женщины обязаны если не избежать, то хотя бы попытаться избежать сексуальных домогательств (если они

не пытаются их избежать или если им это не удастся, то никаких сексуальных домогательств быть не могло); если женщины не в состоянии избежать сексуальных домогательств, то они должны ответить применением силы в отношении нападающего; немедленно после освобождения от сексуального насилия (если они не находятся в состоянии полной психологической подавленности) женщины должны принимать решительные и активные меры в ответ на это насилие; и женщины должны проявлять энергичную враждебность в отношении тех, кто подверг их сексуальным домогательствам (любое проявление мягкости или вежливости со стороны женщины тут же ставит под сомнение сам факт того, что сексуальное домогательство имело место).

3.5 По мнению автора, поддерживая эти гендерные мифы и способствуя их укоренению, Верховный Суд не выполнил обязанность государства-участника по отмене обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин согласно пункту f) статьи 2 Конвенции, и по искоренению предрассудков и упразднению обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин согласно пункту a) статьи 5 Конвенции. Автор считает, что Суд не принял во внимание никакие другие факторы, которые могли бы повлиять на поведение человека в такой ситуации, как, например, психологическое воздействие факта сексуального насилия, отношения подчиненности между начальником и сотрудником, а также задействованные социальные и культурные аспекты. Соответственно, те гендерные стереотипы, на которые опирался Суд, непосредственно нарушили ее право на справедливое судебное разбирательство, потенциально отказав ей в доступе к средствам правовой защиты. Это означает, что государство-участник не предоставило ей эффективную защиту в соответствии с пунктом c) статьи 2 Конвенции.

3.6 Во-вторых, автор утверждает, что государство-участник не предоставило защиту ее права на недискриминацию на рабочем месте. Основав свое решение на гендерных мифах и заблуждениях и тем самым не обеспечив справедливого и беспристрастного национального судебного разбирательства, Верховный Суд не принял всех необходимых мер по искоренению дискриминации в отношении женщин на рабочем месте по смыслу пункта 1 статьи 11 Конвенции. Кроме того, был нарушен подпункт f) пункта 1 статьи 11 Конвенции, поскольку не была обеспечена защита права автора на охрану здоровья и безопасные условия труда. Автор утверждает, что государство-участник не предоставило ей эффективного правового средства защиты от того сексуального насилия, которому она подверглась на рабочем месте. По смыслу общей рекомендации № 19 сексуальные домогательства являются серьезным препятствием для достижения равноправия на рабочем месте и относятся к проблемам обеспечения здоровья и безопасности.

3.7 В-третьих, автор заявляет, что решение Верховного Суда было неправильным не только в связи с аспектом гендерной дискриминации. Кроме того, по утверждению автора, отказ Суда от 28 августа 2006 года удовлетворить ее ходатайство о пересмотре не был непредвзятым, о чем свидетельствует избирательный характер приводимых аргументов и анализа.

3.8 Автор заявляет, что Верховный Суд не принял к сведению факты профессионального преследования и сексуального домогательства, которые детально рассматривались Апелляционным судом. Вопрос конструктивного увольнения содержал элементы обоих типов преследования. Фактически эти два вида настоль-

ко взаимосвязаны, что для Верховного Суда было ошибкой разделить их на два отдельных вопроса, а затем акцентировать свое основное внимание лишь на сексуальных аспектах. Верховный Суд решил дискредитировать выводы судебно-медицинской экспертизы, проведенной д-ром М. (которые тщательно рассматривались и обсуждались Апелляционным судом), произвольно отклонив опыт д-ра М. только на том основании, что официально он является "клиническим психологом". Необоснованный и произвольный подход лежит в основе той предвзятости и направленности против автора, которые просматриваются во всем тексте решения Верховного Суда.

3.9 Согласно заявлению автора, Верховный Суд также ухватился за то обстоятельство, что автор не сразу подала иск о разбирательстве. Признавая, что не существует "установленного срока, в течение которого жертва сексуального домогательства может подать официальную жалобу", Суд затем обвинил автора в том, что она не сразу выдвинула свои обвинения. Суд опять же не принял во внимание выводы Апелляционного суда и проигнорировал фактор психологического стресса, а также то, что эмоциональный порог у разных людей различен.

Замечания государства-участника

4.1 Государство-участник представило свои замечания посредством вербальной ноты от 8 марта 2012 года. Оно пояснило, что, понимая суть жалобы автора, оно должно рассматривать ее в соответствии с нормами верховенства права и интересами правосудия. Оно отмечает, что при определении Верховным Судом юридических прав и обязанностей сторон в деле, касающемся автора, для справедливости требовалось применение практического теста в плане общего человеческого опыта, что постоянно применяется на Филиппинах и в других юрисдикциях. К сожалению, представленные автором свидетельства не были достаточно обоснованными и убедительными, чтобы пройти тест на добросовестность.

4.2 По утверждению государства-участника, определение Верховного Суда по данному делу никак не было связано с дискриминацией автора по признаку пола. Государство-участник вновь заявляет о своей приверженности политике защиты прав женщин в соответствии с Конвенцией и подчеркивает, что оно стремится поощрять и защищать права женщин во всех аспектах сферы управления.

4.3 Государство-участник также добавляет, что в структуре Верховного Суда имеется Комитет по учету гендерных факторов в судопроизводстве¹, который неустанно прилагает усилия к тому, чтобы готовить судей, адвокатов и судебных чиновников в плане надлежащего учета гендерных факторов, а также отношения к гендерным мифам и стереотипам, особенно в связи с принятием судебных решений. Государство-участник уверено, что учету гендерных факторов и информированности в отношении гендерной проблематики в органах судебной власти лучше всего способствует постоянная информационно-просветительская работа.

Комментарии автора по поводу представления государства-участника

5.1 16 июля 2012 года автор представила свои замечания по поводу представления государства-участника. Сначала она отмечает, что в этих представлениях государство-участник никак не остановилось на гендерных мифах, на которые Верховный Суд ссылается в своем решении (см. пункт 3.4).

¹ Создан 27 марта 2003 года.

5.2 Автор заявляет, что так называемый "общечеловеческий опыт" напоминает сексизм. Она отмечает, что, согласно такой логике, ожидается, что каждая филиппинка, попавшая в положение, где она сталкивается с эксплуатацией, должна дать физический отпор нападающему или пристающему. Автор добавляет, что государство-участник не учитывает других факторов, которые могут быть определяющими для поведения человека в таких обстоятельствах, как, например, психологическое воздействие сексуального насилия, отношения подчиненности между начальником и сотрудником (не говоря уже об отношениях между лицом, виновным в сексуальных домогательствах, и жертвой), а также влияние социального и культурного характера. Вместо этого на автора смотрят исключительно с позиций жесткого гендерного стереотипа, ей в ущерб.

5.3 Автор ссылается на мнения Комитета по делу *Вертидо против Филиппин*², где в пункте 8.4 Комитет отметил, что пункт f) статьи 2 и пункт а) статьи 5 обязывают государство-участник принимать соответствующие меры для изменения или отмены не только действующих законов и положений, но и обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. В связи с этим Комитет подчеркнул, что наличие стереотипов оказывает воздействие на право женщин на объективное и справедливое судебное разбирательство и что судебные органы обязаны проявлять осторожность, с тем чтобы не создавать жесткие стандарты в отношении того, какими должны быть женщины или девочки и каково должно быть их поведение, когда они подвергаются изнасилованию, с учетом лишь предвзятых представлений о том, что такое жертва изнасилования или же жертва гендерного насилия в более широком понимании.

5.4 Автор отмечает, что аргументы государства-участника о единообразии человеческого опыта носят дискриминационный характер и не позволяют предоставить женщинам правовую защиту наравне с мужчинами; такие аргументы подрывают компетенцию Верховного Суда вопреки пункту с) статьи 2 Конвенции. По заявлению автора, государство-участник признает, что не принимает никаких мер для отмены обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин по смыслу пункта f) статьи 2 Конвенции, и для искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин по смыслу пункта а) статьи 5 Конвенции.

5.5 Далее автор высказывает мнение, что утверждение государства-участника о том, что повышению степени учета гендерных факторов и информированности о них лучше всего способствует постоянная информационно-просветительская работа, вовсе не способствует этому повышению степени учета гендерных факторов и информированности о них, а лишь укрепляет стереотипное отношение к полу, поскольку настаивает на сексистской структуре общего человеческого опыта.

5.6 По заявлению автора, отказываясь признать сексистский характер так называемого "общего человеческого опыта", государство-участник и его Верховный Суд по-прежнему не принимают никаких мер для ликвидации дискриминации в

² Сообщение № 18/2008, *Вертидо против Филиппин*, мнения, принятые 22 сентября 2010 года.

отношении женщин в области занятости, что предусматривается в пункте 1 статьи 11 Конвенции.

5.7 Автор заявляет, что узаконивание государством-участником гендерных мифов также является нарушением подпункта f) пункта 1 статьи 11 Конвенции, поскольку не обеспечивает защиты права автора на охрану здоровья и безопасные условия труда, учитывая, что согласно пунктам 17 и 18 общей рекомендации № 19 сексуальные домогательства являются серьезным препятствием для достижения равенства в области занятости, а также проблемой для охраны здоровья и безопасности.

5.8 Автор добавляет, что государство-участник по-прежнему не принимает мер, чтобы предоставить компетентный национальный суд, тем самым лишая автора права на равную защиту закона и права на справедливые и благоприятные условия труда по смыслу подпунктов e) и h) пункта 7 общей рекомендации № 19. Согласно заявлению автора, государство-участник также не предоставило ей эффективного средства правовой защиты от сексуального насилия, которому она подверглась на рабочем месте, в соответствии с подпунктом t) i) пункта 24 общей рекомендации.

5.9 В свете вышеизложенных соображений автор просит Комитет рекомендовать государству-участнику выплатить ей компенсацию за те страдания, которые она перенесла в связи с нарушением ее прав.

Вопросы, касающиеся приемлемости сообщения, и процедуры их рассмотрения в Комитете

6.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. В соответствии с правилом 66 своих правил процедуры Комитет может рассмотреть вопрос о приемлемости сообщения отдельно от существа дела.

6.2 Как того требует подпункт a) пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, Комитет убедился в том, что этот вопрос ранее не рассматривался или не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принял к сведению заявления автора по смыслу статьи 1, пунктов c) и f) статьи 2, пункта a) статьи 5 и подпункта f) пункта 1 статьи 11 Конвенции, которые должны читаться в совокупности с общей рекомендацией № 19 Комитета. По ее словам, мотивы, лежащие в основе судебных решений, базируются в первую очередь на гендерных мифах и стереотипах, которые являются в высшей степени дискриминационными в отношении женщин и лишают ее права на справедливое судебное разбирательство, и Верховный Суд не принял все надлежащие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин на рабочем месте. Комитет отмечает, что, по утверждению государства-участника, представленные автором в суде свидетельства не были достаточно обоснованными; таким образом определение Суда по этому делу основывалось на недостаточной обоснованности ее заявлений. Комитет также отмечает, что государство-участник далее заявляет, что решение суда никоим образом не мотивировалось дискриминацией по гендерному признаку.

6.4 Комитет отмечает, что, в сущности, заявления автора направлены на оспаривание того, каким образом национальные суды, и Верховный Суд в частности,

рассматривали обстоятельства ее дела и применяли национальное законодательство. Комитет подчеркивает, что он не подменяет собой местные власти при рассмотрении фактов и не будет заниматься установлением уголовной ответственности предполагаемого нарушителя³. Во-первых, Комитет считает, что, как правило, оценка фактов и доказательств и оценка применения внутреннего законодательства в каждом конкретном случае относятся к компетенции судебных органов государств – участников Конвенции, если не установлено, что такая оценка носила предвзятый характер или базировалась на негативных гендерных стереотипах, представляющих собой дискриминацию в отношении женщин, была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии. В этой связи Комитет отмечает, что ничто в рассматриваемых им материалах не свидетельствует о наличии элементов, которые могли бы продемонстрировать, что рассмотрение судами дела автора, будь то в отношении заявлений о сексуальном домогательстве и действий развратного характера или ее трудового спора, хоть как-то характеризовалось наличием таких недостатков.

6.5 Комитет далее принял к сведению ссылку автора на дело *Вертидо*, когда она обратилась с просьбой в Комитет применить тот же *modus decidendi* и в данном случае. Тем не менее Комитет считает, что эти два дела и заявления о нарушении Конвенции принципиально отличаются друг от друга. Комитет принимает к сведению тот факт, что Верховный Суд рассмотрел заявления автора о сексуальном домогательстве и гендерной дискриминации, однако постановил, что эти утверждения не были подкреплены достаточными доказательствами. В данных обстоятельствах и ввиду отсутствия в деле любой другой соответствующей информации Комитет считает, что даже если бы и можно было бы утверждать, что некоторые аспекты гендерных стереотипов могли предположительно фигурировать в решении суда, наличие этих аспектов само по себе не позволяет достаточно обоснованно продемонстрировать, что они негативно повлияли на оценку судом представленных фактов и на результаты судебного разбирательства, или подкрепить заявления автора о нарушении статьи 1, пунктов с) и f) статьи 2, пункта а) статьи 5 и подпункта f) пункта 1 статьи 11 Конвенции для целей приемлемости. В данных обстоятельствах Комитет считает сообщение недостаточно обоснованным для целей приемлемости и, следовательно, неприемлемым в соответствии с подпунктом с) пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола.

7. В связи с этим Комитет постановляет:

- а) признать сообщение неприемлемым согласно подпункту с) пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола;
- б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора.

³ См., например, сообщение № 34/2011, *Р.П.Б. против Филиппин*, мнения, принятые 21 февраля 2014 года, пункт 7.5.

Добавление

Личное (особое) мнение члена Комитета Патриции Шульц

1. Я не согласна с анализом Комитета, приводящим к выводу о том, что данное сообщение недостаточно обосновано с точки зрения приемлемости и что, следовательно, оно является неприемлемым согласно подпункту с) пункта 2) статьи 4 Факультативного протокола (пункт 6.5). Я согласна с тем, что сообщение неприемлемо, но на другом основании, в соответствии с подпунктом d) пункта 20 статьи 4 относительно злоупотребления правом на подачу сообщения. Я рассмотрю каждый вопрос в отдельном разделе.

Обоснование сообщения автором

2. Чтобы представить свою точку зрения, я должна сказать, что для целей приемлемости автор привела достаточно доводов для обоснования своего иска. Более того, я считаю, что цитаты и/или информация, представленные автором и приведенные в пунктах 2.1–2.8 и 3.1–3.9, ставят под сомнение отсутствие дискриминационного подхода со стороны некоторых из судебных органов, которые рассматривали возбужденное ею уголовное судопроизводство и ее жалобу в соответствии с трудовым законодательством. Я отмечаю, что государство-участник не обсудило эти элементы, чтобы в достаточной мере развеять сомнения на этапе принятия решения о приемлемости сообщения (пункты 4.1–4.3). Автор подчеркнула в своих замечаниях по поводу представления государства-участника (пункты 5.1–5.9), что оно не отреагировало на ее заявление о том, что Верховный суд ссылается в своем решении на гендерные мифы.

3. В частности, я считаю, что пункты 2.8, 3.3 и 5.2–5.4 убедительно подтверждают наличие опирающегося на гендерные стереотипы подхода со стороны помощника городского прокурора (пункт 2.8), Трудового арбитра и Национальной комиссии по трудовым отношениям (пункты 2.10–2.11), а также со стороны Верховного суда (пункты 3.3–3.8). Такой дискриминационный подход со стороны помощника городского прокурора (пункт 2.8), Трудового арбитра и Национальной комиссии по трудовым отношениям (пункты 2.10–2.11) был, по мнению автора, признан Апелляционным судом (пункт 2.12) в результате подробного анализа, в котором подчеркивалось, что обстоятельства дела были "удобно проигнорированы" и что подача автором заявления об уходе являлась одной из "форм конструктивного увольнения".

4. Я выделила курсивом те моменты, где, как я считаю, мы можем видеть пример использования представлений, основанных на гендерных стереотипах:

а) Пункт 3.3: *"Что касается пяти случаев сексуального домогательства, приписываемых [г-ну Г.], обсуждение лишь одного из них показывает, насколько он не соответствует разумному человеческому опыту. ... [Автор] утверждает, что она была прижата на диване [г-ном Г.] так, что практически была вдавлена в подлокотник, что делало для нее невозможной попытку избежать его приставаний. ... Но если бы [г-н Г.] на самом деле совершил такое предосудительное действие, разве она не могла несильно ударить его или встать и уйти? ... Любая женщина в здравом рассудке, чье влагалище перед этим несколько раз "грубо трогали" без ее согласия и против ее воли, освободи-*

дившись от хватки оскорбившего ее человека, подняла бы скандал. Однако автор этого не сделала";

b) Далее в пункте 3.3 речь идет о г-не С. и ее заявлении об увольнении: «Если [автор] действительно подвергалась сексуальному домогательству, ее увольнение по собственному желанию было бы для нее эффективным средством поднять этот вопрос. Однако, вместо того чтобы поднять этот вопрос в своем заявлении об увольнении... она даже выражает благодарность подателю петиции [(г-ну С.)] "за предоставленную возможность работать с ним". Это опять же противоречит человеческой природе и опыту»;

c) В пункте 3.4 автор анализирует гендерные мифы, которые, по ее мнению, использовались Верховным судом, например: *"особенно в том, что женщины обязаны если не избежать, то хотя бы попытаться избежать сексуальных домогательств, ... и они должны ответить применением силы в отношении нападающего; немедленно после освобождения от сексуального насилия (если они не находятся в состоянии полной психологической подавленности) женщины должны принимать решительные и активные меры в ответ на это насилие; и женщины должны проявлять активную враждебность в отношении тех, кто подверг их сексуальным домогательствам (любое проявление мягкости или вежливости со стороны женщины тут же ставит под сомнение сам факт того, что сексуальное домогательство имело место)"*;

d) В пункте 3.5 это резюмируется следующим образом: *"автор считает, что суд не принял во внимание никакие другие факторы, которые могли бы повлиять на поведение человека в такой ситуации, такие как, например, психологическое воздействие факта сексуального насилия, отношения подчиненности между начальником и сотрудником, а также задействованные социальные и культурные аспекты"*;

e) В пункте 3.8 приводится упрек, который автор адресует Верховному Суду относительно его отказа возбудить иск по ее ходатайству о пересмотре дела в связи с разделением двух жалоб и акцентировании внимания лишь на сексуальных аспектах (г-н Г.), а не на профессиональном преследовании (г-н С.), в котором автор говорит: *"Фактически эти два типа преследования настолько взаимосвязаны, что для Верховного Суда было серьезной ошибкой разделить их на два отдельных вопроса, а акцентировать свое основное внимание лишь на сексуальных аспектах... Необоснованный и произвольный подход лежит в основе той предвзятости и направленности против автора, которые просматриваются во всем тексте решения Верховного Суда"*;

f) Наконец, в пункте 3.9 приводится упрек автора, касающийся того, что задержка подачи иска на 18 месяцев была использована против нее. Этот довод обсуждается ниже.

5. Замечания государства-участника в пунктах 4.1–4.3 указывают, что, хотя государство-участник "понимает суть жалобы автора, оно должно рассматривать ее в соответствии с нормами верховенства права и интересами правосудия. Оно отмечает, что при определении Верховным Судом юридических прав и обязанностей сторон в деле, касающемся автора, для справедливости требовалось применение практического теста общего человеческого опыта, который постоянно применяется на Филиппинах и в других юрисдикциях. К сожалению,

нию, представленные автором свидетельства не были достаточно обоснованными и убедительными, чтобы пройти тест на добросовестность".

6. Ни в одном из следующих двух пунктов замечаний государства-участника не обсуждаются заявления, сделанные автором в пунктах 3.1–3.9, в связи с чем я не могу понять аргументацию Комитета, делающего вывод о том, что "ничто в рассматриваемых им материалах не свидетельствует о наличии элементов, которые могли бы продемонстрировать, что рассмотрение судами дела автора, будь то в отношении заявлений о сексуальном домогательстве и действий развратного характера или ее трудового спора, хоть как-то характеризовалось наличием таких недостатков". Несомненно, без обсуждения государством-участником этих элементов в пунктах 3.1–3.9 я могу понять логику автора относительно гендерных мифов, на которые ссылается Верховный суд, и сексизма, опирающегося на так называемый "общечеловеческий опыт" (пункты 5.1–5.7). Эти элементы также не обсуждаются в представленном Комитетом мнении в пунктах 6.3–6.5.

7. Таким образом, я считаю, что автор в достаточной мере обосновала использование гендерных стереотипов, характерное для производства в некоторых национальных судебных органах, и в особенности в Верховном Суде, о чем говорится в пунктах 3.3–3.8 и 5.1–5.7 в отношении дискриминационной природы аргумента о "единообразии человеческого опыта", лишения ее "права на справедливое судебное разбирательство, потенциально отказав ей в доступе к средствам правовой защиты", и отказа ей в "предоставлении правовой защиты наравне с мужчинами", в силу этого, по моему мнению, сообщение приемлемо.

8. Однако, как говорилось ранее, я считаю, что существует иное основание, в связи с которым сообщение следовало бы признать неприемлемым, о чем я скажу ниже.

Просрочка в подаче сообщения, означающая злоупотребление правом на подачу сообщения

9. Я могу только до определенной степени понять аргументацию автора, обобщенную в пункте 3.9, относительно 18-месячной просрочки выдвижения уголовного обвинения и обвинения в нарушении трудового законодательства. Учитывая, что в филиппинском законодательстве отсутствует срок давности в отношении выдвижения обвинений в совершении сексуального домогательства, автор, безусловно, могла подать иск через 18 месяцев после имевшего место события, что она и сделала. Она утверждает, что 18-месячная задержка подачи иска использовалась против нее, что "ее обвинили в том, что она не сразу выдвинула свои обвинения". В пункте 3.9 указывается, что "суд опять же не принял во внимание выводы Апелляционного суда и проигнорировал фактор психологического стресса, а также то, что эмоциональный порог у разных людей различен".

10. Я хотела бы подчеркнуть, что во многих странах, где существует обычное право или гражданское право, имеются законы об исковой давности (то есть исковая давность или сроки исковой давности), определяющие сроки возбуждения процессуальных действий в случае сексуальных домогательств и/или морального давления. Иногда их продолжительность ограничивается всего лишь тремя месяцами. Такие очень короткие сроки исковой давности являются

серьезным препятствием для потерпевших и оказывают сильное давление на них. В действительности жертвы сексуального домогательства и/или морального давления нередко испытывают состояние паралича (ошеломления, шока), мешающего им действовать незамедлительно и/или "надлежащим образом". Им необходимо время, для того чтобы оправиться после перенесенной травмы и восстановить способность защищать себя с помощью процессуальных действий: вот почему необходим баланс между их законными потребностями и необходимостью возбуждения дел в разумные сроки. Там, где сроки исковой давности очень короткие, для жертв существует риск отказа в доступе к правосудию, если им требуется более длительное время, чем предусмотрено этими законами, для восстановления после перенесенной ими травмы до того, как они смогут участвовать в судебном процессе, будь то гражданское, уголовное и/или административное судопроизводство, в зависимости от конкретных дел и возможностей национального законодательства.

11. В данной ситуации автору потребовалось 18 месяцев для того, чтобы выдвинуть свои уголовные обвинения и обвинения в нарушении трудового законодательства. Мне кажется, что Суд правомерно заметил, что она "не сразу выдвинула обвинения". Даже с учетом перенесенной автором травмы есть веские основания требовать, чтобы судебное разбирательство инициировалось более оперативно, среди прочего для того, чтобы содействовать отправлению правосудия, обеспечить правовую защищенность и возможность представления доказательства или опровержения утверждений истца.

12. Поскольку меня лишь частично убедила аргументация автора, касающаяся 18-месячной просрочки подачи ее жалобы в органы, ответственные за всестороннее рассмотрение дела, я в связи с этим задавалась вопросом, как относиться к тому, что автору потребовалось целых пять лет для подачи своего сообщения в Комитет, подвергая критике решения Верховного Суда от 26 июня 2006 года и 28 августа 2006 года за гендерную дискриминацию. Сообщение было представлено на рассмотрение примерно 10 лет спустя после того, как автор выдвинула свое уголовное обвинение (28 мая 2001 года) и подала свою жалобу в связи с нарушением трудового законодательства (20 декабря 2001 года) относительно якобы имевших место событий, относящихся к маю 1999 года – июню 2000 года (см. пункты 2.2–2.5), и которые, наконец, рассматривались в суде 28 августа 2006 года после почти пяти лет судебного производства в национальных органах. Безусловно, такой длительный срок судопроизводства никоим образом не должен быть использован против автора, учитывая, что он требовался для того, чтобы достичь последней инстанции и, таким образом, исчерпать внутренние средства правовой защиты.

13. На веб-странице Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, посвященной процедуре подачи сообщения, вкратце излагается причина, по которой необходимо действовать быстро: "Важно представить жалобу как можно быстрее после того, как исчерпаны внутренние средства защиты. Задержка с представлением дела может вызвать затруднения у государства-участника надлежащим образом отреагировать, а договорному органу оценить всесторонне обстоятельства дела. В некоторых

случаях подача после продолжительного периода времени может привести к тому, что соответствующий Комитет сочтет дело неприемлемым"^a.

14. Факультативный протокол и правила процедуры не предусматривают сроки исковой давности, в течение которых сообщение должно быть подано в Комитет. Комитет никак не прокомментировал этот вопрос в своем мнении, автор не объяснила, почему ей потребовалось столько времени, а государство-участник не упомянуло об этом в своих замечаниях (пункты 4.1–4.3).

15. Что касается правил, установленных другими договорными органами, можно видеть, что сроки исковой давности варьируют от 6 месяцев (в случае Комитета по ликвидации расовой дискриминации, в соответствии с пунктом 5) статьи 14 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации) до "одного года после того, как исчерпаны внутренние средства защиты, за исключением случаев, когда автор может продемонстрировать, что было невозможно подать сообщение в такой срок" (в случае Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, в соответствии с подпунктом а) пункта 2) статьи 3 Факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, и Комитета по правам ребенка, в соответствии с пунктом h) статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений). Комитет по правам человека тем не менее предусматривает более длительную отсрочку (пункт с) правила 96 правил процедуры, до пяти лет, либо, в соответствующих случаях, три года).

16. Попытка найти компромисс между правом жертв дискриминации, запрещенной согласно Конвенции (в данном случае сексуального домогательства и морального давления), защитить себя путем подачи сообщения и правом государства-участника не привлекаться к ответственности по прошествии "разумного периода времени" является деликатной задачей.

17. Несмотря на желание учесть "фактор психологического стресса, а также то, что эмоциональный порог у разных людей различен" (о чем автор упоминает в пункте 3.9 в отношении 18-месячной задержки) я не смогла представить себе оправдания почти пятилетнему ожиданию после принятия решения последней инстанцией. Даже учитывая, что проигрыш дела в Верховном суде мог освежить в памяти полученную ранее травму или мог быть сам по себе травмирующим, я считаю, что автор должна была подать свое сообщение в более короткие сроки или ей следовало объяснить, почему она не могла действовать более оперативно. Без объяснения причин, по которым автору потребовалось столько времени, я делаю вывод, что ее сообщение следует признать неприемлемым в связи с тем, что это составляет злоупотребление правом на подачу сообщения, в соответствии с подпунктом d) пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола.

18. Не без колебаний я приняла это суровое решение, прежде всего потому, что мои рассуждения опираются на применение по аналогии правил процедуры других договорных органов (Комитета по ликвидации расовой дискриминации, Комитета по экономическим, социальным и культурным правам и Комитета по правам ребенка), учитывая, что правила процедуры Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин не предусматривают срока иско-

^a См. www.ohchr.org/EN/HRBodies/TBPetitions/Pages/IndividualCommunications.aspx#whencan.

вой давности, после которого любое сообщение признается неприемлемым. В связи с этим я надеюсь, что такая неудовлетворительная ситуация заставит Комитет увидеть необходимость введения периода исковой давности, в течение которого сообщения должны представляться в Комитет сроком один год после вынесения решения последней инстанцией, с обоснованными исключениями. Я считаю, что такой срок исковой давности — с обоснованными исключениями — будет отвечать нуждам как жертв дискриминации, так и нуждам государств — участников Конвенции. В связи с этим, мне представляется, что существует много доводов в пользу такого срока исковой давности: согласованность процедур договорных органов и средств процессуальной защиты, представляемых различными инструментами защиты прав человека; правовая защищенность государств-участников и заявителей; а также обеспечение осуществления правосудия, в том числе возможность с уверенностью представить доказательства и их опровержения.
